

16+

ЗАГАДКА ТРОЯНСКОЙ ВОЙНЫ

АННА ВИК

Анна Вик
Загадка Троянской войны

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63045238

SelfPub; 2022

ISBN 978-5-532-96645-1

Аннотация

Правит ли миром любовь? Или правит им разум? Было ли суждено тем, кто изменил судьбы тысяч, родиться в нужное время и в нужном месте?.. Елена Прекрасная расскажет свою истинную историю тому, кто полюбит ее всем сердцем. Но какова будет их судьба, и что придется совершить ему во имя этого простого и в то же время сложного чувства?..

Содержание

Рассказ Лаэрта	4
Парнасская охота	9
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Анна Вик

Загадка Троянской войны

Рассказ Лаэрта

Спарта, 6?? BC

– Немногие знают истинную историю Одиссея, очень немногие! Но еще меньше известно людям о Елене Прекрасной, той самой женщине, из-за которой началась знаменитая Троянская война!.. – начал как бы нараспев говорить старейший из геронтов¹, восседавший посредине их большого полукруга.

Хотя и Лаэрт не был царем, он обладал намного большей властью, чем каждый из них. То же касалось и остальных старцев – ни один из герусии, состоявшей из двадцати восьми человек, не мог сравниться с ним по весу своего голоса. Лаэрт, казалось, знал все в этой жизни. Все истории, все люди, с которыми они случались и будут случаться, были ему известны. Иной раз ходила молва среди Спартанцев, что он был зачат самим Аполлоном и простой смертной.

¹ В Спарте герусия была высшим правительственным органом. Она состояла из 28 геронтов, выбиравшихся пожизненно и 2 царей из разных династий.

«Оттуда у Лаэрта и дар предсказания и такое всезнание! – порой шептались между собой некоторые жрицы храмов. – Иначе быть не может, сын бога. А еще какие у него познания в лечебном деле! Если что заболит – сразу к нему идти надо, Лаэрт точно знает, как лечить и чем».

Конечно, сам Лаэрт знал про эти слухи, но только потешался, когда спрашивали, правдивы ли они. Дело было в том, что за свои семьдесят лет жизни он просто очень многое и многих успел повидать. Спарта была его домом и родиной, но он довольно часто ее покидал. Хотя и полис был закрыт на въезд и выезд для большинства граждан, к Лаэрту это не относилось, потому как он в своих поездках занимался исключительно важными делами. Инкогнито он нередко бывал во враждующих со Спартой городах, подкупал некоторых их граждан для обеспечения связи с ними. Он понимал, что безопасность полиса невозможно было обеспечить лишь только внутренним жестким устройством, и поэтому его идеи, уже проверенные временем, едва ли осуждались кем-то из царей или геронтов.

Рассказ свой Лаэрт начал неспроста. Из года в год он собирал подрастающее поколение, мальчиков и девочек четырнадцати лет, чтобы поведать им историю какого-нибудь героя. А про героев он знал правду, и действительно знал ее больше, чем кто-либо из живущих ныне греков. Истинные эти истории жили в его уже уставшем от суеты разуме, и он сам любил предаваться размышлениям о них, игре своего

уже затуманенного тревогами воображения. Но главной целью этих рассказов оставалось наставление: у каждого сказания была мораль. И Лаэрту было важно прочувствовать, что она была понята подростками.

– Елена была спартанкой! – вдруг выкрикнула одна из девочек, сидевшая прямо возле костра.

Кроме мальчиков обычно никто не сидел в первом ряду на таких торжественных сборах, но для этой юной особы, по всей видимости, было сделано исключение. Лаэрт с едва заметной полуулыбкой посмотрел на нее, забавляясь ее ребяческой дерзости. Однако во взгляде ее он заметил не только огонек, но еще и острый ум. Ни один из сидевших возле нее мальчиков, будущих спартиатов, не смотрел на мир так осмысленно.

– Да, как и ты, – подтвердил Лаэрт, продолжая рассматривать собравшихся юнцов. – И однажды, не сомневаюсь, в своем роде ты сможешь сыграть в этом мире не менее важную роль, чем эта женщина. Все знают, что она славилась как самая прекрасная на свете, не так ли?

Подростки закачали головами. Конечно, с детства старшие рассказывали им про Троянскую войну и ее начало, как Парис похитил Елену, которая в то время была женой Менелая, тем самым спровоцировал греков на нападение. Во всяком случае, так гласила легенда. И поставить ее под сомнение, конечно же, не решался никто из детей или взрослых. В Спарте вообще ставить что-то под сомнение считалось опас-

ным. Так думали все, однако Лаэрт, как и практически везде, обладал неприкосновенностью, и мыслил и говорил то, что считал нужным.

– Так, уже хорошо, – продолжил геронт. – И все знают, что она была плодом любви бессмертного и смертной?

Тут уже большинство охватило смятение. Однако девочка из первого ряда вновь подала голос:

– Она была дочерью Леды и Зевса. Зевс соблазнил Леду в образе лебедя, и поэтому Елена якобы вылупилась из яйца.

– Почему якобы? – нахмурился Лаэрт. Увидев его напускное неодобрение, сидевшие рядом мальчики начали с недоверием поглядывать на свою соседку.

– Потому что я не верю в этот миф, – уверенно сказала маленькая спартанка. – Вернее, это даже не миф, а какая-то детская сказка. Я верю в богов, и я верю даже в то, что Афина появилась на свет, расколов череп своего отца. А что, это вполне может быть! Ведь боги, хотя и так похожи на смертных, все-таки гораздо сильнее их и имеют другие тела, способные на большее. А Леда была лишь женой спартанского царя, она не была наделена никаким даром, кроме разве что так искусно лгать.

– Ты так смело рассуждаешь, дитя! – с возмущением заметил сидевший по правую руку от Лаэрта геронт Лин. – Неужели ты не веришь старшим?

– Не верит, и правильно делает, – только рассмеялся в ответ на это замечание Лаэрт. – Потому что все истории, что

передаются из уст в уста, имеют на себе отпечаток мнения рассказчика. Это неизбежно, но это и не так плохо. Ведь иначе они и не были бы такими завораживающими.

– О Боги, Лаэрт, ближе к делу! – вдруг воскликнул сидевший в самом конце полукруга геронт Патрокл. – После такого сытного ужина меня уже начинает клонить в сон.

Ужин в Спарте действительно был сытным в этот вечер. Так называемая черная похлебка, которую ни один из приезжих из других полисов при жизни Лаэрта так и не смог доесть до конца, была приготовлена из всего самого свежего. Урожай был хорошим в это лето, поэтому чечевица была мягкой, но при том не сильно разваривалась, а свиной зарезали накануне пира. Похлебку, как обычно, варили из свиных ног, свиной крови и уксуса. Никто, конечно же, из спартанцев, от такой трапезы не отказался, и даже самые слабые желудки были набиты, казалось, на день вперед.

– Все-все, мой дорогой Патрокл, – вновь улыбнулся Лаэрт. – Перехожу же к своей истории, которую я называю «истинной историей Прекрасной Елены и Одиссея». Что-то я в ней преувеличу, а о чем-то рассказать, наоборот, забуду, но знайте, все сидящие возле этого кострища, что эта история – самая правдивая из всех, что вам доведется когда-либо услышать. Перейдем же к ней.

Парнасская охота

– Отца Одиссея звали точно так же, как и меня, – проговорил Лаэрт, устремив свой взгляд в огонь, будто наблюдая в нем какую-то картину и описывая ее. – Согласно легенде, он был одним из многочисленных смертных потомков Зевса, однако мне кажется, что это очередная выдумка. Если уж начистоту, то полубогом в этой семье скорее стоит считать самого Одиссея, а именно я бы назвал его сыном Афины, и ничьим другим. Да-да, он был с самого детства смышлен и храбр, так рассказывали мне старшие!

Лаэрт, что жил многие столетия назад, был, как известно, царем Итаки. Хорошим ли он был правителем, плохим ли, никто достоверно не знает, ясно лишь то, что он отказался от своей власти в пользу сына, когда тому было шестнадцать лет. Сделал это Лаэрт, как мне кажется, именно потому, что считал Одиссея более достойным царем.

Мальчик рос, как и все дети богатейших семей полиса. Он никогда ни в чем не нуждался, самые ранние годы проводил в праздности и в играх со своими сестрами и матерью. Ходили слухи, что мать была в родстве с богом Гермесом, покровителем всех проказников и воров. Каждый день она устраивала сыну какие-нибудь веселые игры: прятала в доме предметы и загадывала сыну загадки, наводящие его на их наход-

ку. Антиклея была очень хитрой и умной женщиной, хотя ее муж даже и не догадывался об этом. Жаль, жаль! Он очень многое потерял, оградив себя от общества этой женщины, однако все мы знаем, что во всех полисах, за исключением Спарты, мужчины ставят себя намного выше, что, конечно же, так прискорбно!..

Но не будем о грустном. Антиклея, как я уже сказал, особенно обращалась со своим сыном. Загадки от нее Одиссей получал почти каждый день, и успешно их разгадывал. Но одну из них он так и не смог разгадать, а загадала мать ее как раз в день своей кончины, незадолго до становления Одиссея царем Итаки. Она звучала так: «что рождается утром, днем превращается в камень, а ночью обращается в прах?». Женщина была уже тогда тяжело больна несколько месяцев, и юному Одиссею было позволено навещать ее каждый день. Он сидел у ложа матери и пытался весь день придумать ответ, но так и не смог этого сделать. Последними словами Антиклеи своему сыну стали: «найдешь ответ ты в устах Прекрасной, но найдешь его слишком поздно». А затем она, вздохнув с жутким хрипом в последний раз, начала задыхаться, и через несколько минут отправилась в царство Аида.

Лаэрт, будучи занятым подсчетом скота, даже не появился в тот день на половине жены, в гинекей². Когда же Одис-

² Так называлась женская половина в доме, занимавшая заднюю его часть или второй этаж.

сей пришел, находясь в глубокой скорби, к отцу с сообщением о кончине Антиклеи, тот лишь пожал плечами и сказал: «должно быть, боги покарали ее болезнью за вечные проказы и глупости». Сын был вне себя от ярости и, вскричав: «должно быть, боги покарали тебя каменным сердцем за такой скудный ум!», замахнулся уже было, чтобы ударить Лаэрта, но в последний момент остановил себя, и убежал прочь.

Его не было дома несколько дней, и отец, испуганный тем, что мог потерять своего единственного наследника, отправил на поиски Одиссея лучших воинов Итаки. Все они вернулись ни с чем, однако сам юноша вернулся на шестой день после своей пропажи. Казалось, он совсем забыл о своем гневе на отца, перед ним Одиссей даже извинился и сказал, что лучшим лекарством от смерти матери для него стала бы поездка к своему деду, в Дельфы.

– Если ты и впрямь этого так хочешь, то, конечно, – вздохнул Лаэрт, измученный горем. Он, казалось, за дни пропажи сына, постарел на несколько лет. Так сказывали геронты Итаки, и я им, конечно же, верю. Пусть царь был и жесток, он любил Одиссея, и не мог ему отказать.

Пятнадцатилетний юноша отправился к своему деду Автолику, который одарил при встрече его богатыми подарками. Жил он на горе Парнас и славился как известный хитрец и вор, и все знали, что богатство было его нажито не совсем честным путем. Однако Одиссей не смог устоять, как и

любой смертный молодой мужчина, перед теми дарами, что были преподнесены дедом, который хоть и скорбел, но был несказанно рад приезду внука. И чего только Одиссей не нашел в позолоченных сундуках! Груды самого новейшего оружия, которое пригодилось бы как в бою, так и на охоте; фarosы³, достойные самого настоящего царя и воина, с искусно вышитыми на материи изображениями богов и мифов; множество пар сандалий, таких удобных, что, юноша воскликнул, примерив их:

– Да ты, дедушка, и впрямь, должно быть, сын Гермеса! Не может быть такого, что эти сандалии не полетят, когда я в них побегу!⁴

Автолик только рассмеялся в ответ, хотя горе от смерти дочери не покидало его. Хотите верьте, хотите нет, но такую смышленную дочь, как Антиклея, редко кому вообще доводилось иметь! Она была его другом и единственной радостью, потому как зятя он на дух не переносил и никогда не ездил из-за этого в Итаку.

– Нет, теперь я отсюда не уеду, покуда не поохочусь в этих краях! – восторженно сказал Одиссей после того, как примерил все свои новые одежды и отблагодарил деда.

Он чувствовал себя теперь не просто отпрыском знатного и богатого рода. Он чувствовал себя *царем*, настоящим бу-

³ Фарос, который представлял собой роскошный верхний плащ, древние греки носили поверх хитона, нижней одежды.

⁴ Крылатые сандалии считались неотъемлемым атрибутом Гермеса.

душим Итаки. Казалось бы, что значит надеть на ноги сандалии из тонко переплетенных кожных шнуров, на тело – хитон с пурпурным гимантием, а на голову – позолоченный шлем? Для юного Одиссея это означало *примерить власть*, а не одевания. И она ему шла, так же как ему шла его внутренняя и внешняя сила. Он это знал, так же как знал и то, что таким своим видом он сможет внушить своим подданным и страх, и любовь одновременно.

– Потомок Артемиды видно ты, мой друг, ко всему прочему! – вновь усмехнулся дед, но с явным удовольствием воспринял это намерение внука. Весть о затянувшемся пребывании Одиссея должна была расстроить Лаэрта, и хотя бы это уже поднимало Автолику настроение.

Охотиться решили на вепря возле горы Парнас, чтобы, в случае какой-либо травмы, можно было без промедлений вернуться домой. Несмотря на то, что Автолик хотел бы поддержать у себя внука подольше, навредить он ему бы не хотел, и потому все лучшие потомки Аполлона⁵ были вызваны из Дельф в жилище старика, чтобы при необходимости исцелить раны охотников.

Одиссей был взволнован как никогда прежде в своей жизни. Ведь, хотя юноша теперь выглядел и чувствовал себя гораздо мужественнее, чем когда-либо, это никоим образом не делало его бывалым охотником, а уж тем более на такого зверя, как вепрь.

⁵ Апполон был богом врачевания.

– Скажи, дедушка... Тебе кажется, я справлюсь? – подошел он в день охоты к старику, встречавшему первые расцветные лучи во дворе своего дома, прислонившись к одной из искусно выполненных колонн.

Автолик нахмурился и оглядел внука с головы до пят, будто бы пытаясь оценить, насколько тот действительно готов к охоте, по его внешнему виду.

– Справишься, это несомненно, – продолжал хмуриться старик, глядя Одиссею в глаза. Впервые тогда юноша заметил, насколько глубокий и насыщен был карий цвет радужки дедовых очей.

– Но ведь мне всего пятнадцать лет, – пробормотал Одиссей. – И отец никогда прежде не брал меня на охоту.

Вдруг Автолик рассмеялся. Смех его, едва начавшись, вдруг перетек в кашель.

– Тебе *уже* пятнадцать лет, почти шестнадцать, – ответил Автолик, отдышавшись. – Примерно в твоём возрасте я владел двумя рыночными лавками, в одной из которых продавалось мясо как раз-таки вепрей, и причем самое лучшее во всем полисе. Охотились на этих вепрей, конечно же, нанятые мною охотники, но поначалу я все делал сам. И меня этому никто не учил, просто потому что этого кого-то вообще не было.

– Ты был сиротой? – удивился Одиссей, к своему стыду осознавший, что почти ничего не знает о прошлом деда, который доживал уже шестой десяток.

– Моя мать была πόρνοι, то есть блудницей, проституткой. Я вырос и жил в публичном доме до тринадцати лет, пока не ушел оттуда. Эта женщина была гораздо хуже всех других, что работали в нем. Эта женщина... Прости, дорогой Одиссей, я даже не хочу называть ее по имени, так оно мне противно, как и все ее существо!.. Так вот, она противопоставляла себя всем другим обитательницам борделя. Мы жили в одной из самых маленьких, запущенных комнат. Вечная грязь, плесень и крысы были моими лучшими друзьями, пока я был младенцем. Как я еще не умер или не заработал себе букета болезней, до сих пор для меня остается загадкой!

Она работала в ночь, а большую часть дня спала. Когда просыпалась, то начинала пить неразбавленное вино, что не делали даже самые грязные из мужчин, с которыми она потом спала. Дыхание ее было отвратительным, от нее вечно воняло кислятиной. Еды мать никогда не готовила, лишь давала деньги, чтобы я, начиная лет с пяти, сам ее отыскивал для себя и нее. Единственное, наверное, за что и стоило ей сказать спасибо – так это за те золотые монеты, что ей удавалось заработать за ночь своим телом. Почему так много? Потому что несмотря на то, что питалась и спала она дурно, двигалась мало, эта женщина была одной из самых красивых, что я вообще когда-либо встречал в своей жизни.

Плохое дыхание она маскировала тем, что жевала листья мяты, а смрад от тела легко смывался в теплой ванной. Все, кроме меня, считали ее дочерью самой Афродиты, так она

была великолепно в своих нарядах, когда выходила на показ к самым богатым мужчинам полиса! Высокая, с идеальными пропорциями полных плеч и ног, притом с тонкой талией, которую ей разрешали специально перевязывать кожным поясом, чтобы подчеркнуть контраст... Кожа ее была белой, без единого изъяна, сделанной словно не из крови из плоти, а из камня. Да и сама она, казалось, скорее была статуей, а не человеком. Ожившим творением богов, а не смертной, вот кем считали ее окружающие! Она же им легко верила, и считала себя поэтому именно такой. Презрительно отзываясь обо всех остальных проститутках, не заводя ни с кем новых знакомств, она довольно быстро осталась одинока. Это одиночество она считала уделом гордой и величественной полубогини, оттого и жаловалась мне постоянно на свою судьбу.

Кого видел я? Ленивую и праздную женщину, которая предалась забытию длиною в жизнь, родившая дитя и жестоко разрешившая ему жить рядом с собой. Она начала бить меня едва я стал ходить и бегать. Мои игры с другими детьми вызывали у нее особенную агрессию, но вскоре я научился давать сдачи, и гнев ее поутих.

В тринадцать я окончательно осознал, что сосуществование с ней вообще невозможно, и поэтому в один из ее «рабочих» дней, собрал все свои никчемные пожитки, и ушел куда глаза глядят. А глаза глядели... В лес. Я видел, как мало дикого мяса было на местных рынках, и как сильно оно

навилось людям, особенно богатым людям. Мне и самому как-то доводилось вкусить кабанины, привезенной кем-то из любовников матери, и это было куда лучше мяса домашнего скота.

Я узнал, когда и где охотились местные охотники, причем сделал это хитро: устроился работать на их псарню. Да, сначала мне месяц пришлось возиться с собачьими отходами, но зато после этого месяца я знал хотя бы с чего мне начать. И я именно *начал*. Бросился в объятья страха, неудач, предательств, нужды. А затем страх сменился уверенностью, неудачи – реальными успехами, предательства и предатели – верными союзниками, нужда – деньгами и богатством.

Я добился «фундамента» своей жизни, на котором затем росло и процветало мое богатство, уже к шестнадцати годам. К *твоим* годам, мой дорогой Одиссей!

– Ого! И неужели это все – правда?! – воскликнул юноша, дослушав до конца рассказ деда. Он казался ему невероятным, и напоминал скорее песню, сочинение.

– Конечно, – взгляд Автолика снова посерьезнел. – Ведь ты же понимаешь, что на самом деле я никакой не сын Гермеса. Все в моей жизни нажито было трудом, и ничем другим. В ней затем, конечно, были и дальнейшие неприятности, однако они не могли ни в коей мере сравниться с теми, что были в самом ее начале. А твои...

– Мои – просто ничто! – воскликнул Одиссей радостно. –

Мой страх никчем. Ведь рядом со мной будут взрослые охотники, будут верные, обученные псы. Так лучше я получу удовольствие от такой охоты, чем буду ее бояться, как последний зайчишка!..

– Вот это – слова моего настоящего внука! – с гордостью одобрил юношеский пыл внука Автолик, положив руку ему на плечо. – Отправляйся же в путь, и, не сомневайся, боги помогут тебе! Я чувствую, что ты был благословлен ими при рождении... Твой взгляд мудр и резок, как у Афины, а тело будет однажды сложено как Аресово. Не сомневайся. *Колесование может однажды стоить тебе жизни, стоить тебе всего.*

На всю свою оставшуюся жизнь Одиссей запомнил эти слова Автолика. Но тогда, выехав на заре нового дня вместе с приспешниками-охотниками деда и гончими псами, он им придал едва ли какое-либо значение.

Езда никогда не утомляла его, как и пешие походы. Но в тот день юноша отчего-то чувствовал сильную усталость, и уже к обеду его вдруг начало клонить в сон. Голова была как одурманенная каким-то зельем, а тело будто перенесло неделю бессонных ночей. Он попросил Дионисия, стоявшего во главе всей охоты, сделать небольшой привал с тем, чтобы вздремнуть.

– Конечно, юный царь, – добродушно согласился охотник, который уже давно поглядывал на свои запасы вина, которое не решался начать распивать утром. Меха были заполнены

целиком и пленили Дионисия, получившего свое имя, видимо, неспроста⁶, как Тантала, мечтавшего о пище и питье в аидовом царстве.

Остальные его приятели радостно поддержали предложение Одиссея, и начали притормаживать своих лошадей. Привал было решено сделать на одной из полян, окруженной деревьями. В их тени была приятная прохлада, как раз то, что нужно слегка уставшим путникам в такой жаркий день.

– Далеко ли Дельфы? – поинтересовался Одиссей у Дионисия.

– Думаю, в дне ходьбы отсюда, едва ли больше. Но ведь мы собрались охотиться на вепря, а не на дельфийских красавиц, не так ли? – усмехнулся мужчина.

Одиссей кивнул головой, слабо улыбнувшись в ответ. Он чувствовал, что если в ту же минуту не ляжет на мягкий мох возле одного из этих деревьев, то ему станет совсем дурно. Поэтому он поспешил слегка отдалиться от шумной компании, начавшую налегать на выпивку и еще мягкие булки хлеба, выпеченные утром в домашних печах. Свое пристанище юноша нашел в корнях высокого дуба, скрытого остальными деревьями от посторонних глаз. Отчего-то он не хотел, чтобы остальные видели, как он дремал. Сон был для него отдыхом, слабостью, которую он не хотел выказывать перед теми, кто однажды, быть может, станут его поданным.

«А смогу ли я вообще отдыхать спокойно, будучи царем?»

⁶ Дионис славился как бог вина и веселья.

Смогу ли весело налегать на пирах на съестное, на вино, с которым придет забытие? Ведь всю свою жизнь я не буду *собой*. Я буду тем, кем должен быть для своего народа».

Эти мысли были слишком тяжелы для пятнадцатилетнего юноши и утомили его не меньше, чем езда после тревожного и беспокойного сна. Поэтому, едва он положил голову на листву и устроился как можно удобнее, его охватили объятья Морфея.

Спал Одиссей на деле около часа, но для него, по ощущениям, прошло не больше пяти минут. Сон его был жестоко прерван на каком-то интересном и приятном моменте резким звуком. В секунду после пробуждения юноша понял, что этот звук ему напомнил. Это было похоже на звук меча, который достали из ножен. И спустя почти еще секунду он убедился, что оказался практически прав, за исключением того, что это был не меч, а кинжал. Оружие спустя еще мгновение было приставлено к его горлу, и он оказался бессилен хоть как-либо этому сопротивляться.

– Если ты пошевелишься, – прошептал кто-то позади него. – Если ты двинешь хоть пальцем, хоть мускулом... Хоть ухом, клянусь, я прирежу тебя в мгновение ока. Я видела много таких, как ты. Крепких, высоких, с щечками, не знавшими ни дня голода. И все те из них, кто встал на моем пути, уже мертвы.

Спросонья Одиссей не понял, был ли это женский или мужской голос. Но затем, слегка опустив взгляд, увидел пе-

ред собой тонкое запястье с длинными пальцами, на которых были надеты три перстня в виде каких-то животных. Это была рука даже скорее не женщины, но девочки или девушки.

– Ты один здесь? – осведомилась незнакомка уже чуть громче.

Ее правая свободная рука (по-видимому, она была левшой) начала ощупывать его одежды. Когда она наклонилась, чтобы обыскать юношу, то Одиссей успел на мгновение заметить уже недетскую, довольно развитую женскую грудь. Лица не было видно, но отчего-то он догадывался, что оно должно было быть достаточно милостивым.

При себе у Одиссея был небольшой кожаный кошелек с несколькими серебряными и золотыми монетами, а также семейный кинжал, который по отцовской линии передавался из поколения в поколение. С него можно было довольно много выручить, если знать, к какому покупателю обратиться.

Одиссей сначала хотел помотать головой, но затем вспомнил, что его обещали убить при малейшем движении.

– Нет, – смог выдохнуть он. – Я здесь на охоте с другими мужчинами.

Говорить с приставленным лезвием к горлу было очень тяжело морально и физически. По его лбу начала стекать капля пота.

– Где же они все тогда? – с недоверием спросила девушка. Теперь он уже мог сказать наверняка.

– Они недалеко отсюда. Я отошел от остальных, чтобы отдохнуть.

– А ты знаешь, как опасен отдых в краю, где водятся дикие звери, вдали от друзей? – в голосе незнакомки слышались нотки презрения. Кинжал, однако, на мизерное расстояние отделился от его глотки.

– Теперь знаю, – пробормотал Одиссей в ответ. – Если ты оставишь меня в покое и заберешь клинок, то, обещаю, тебя не будут преследовать.

Жизнь стала вдруг ему дорога, как никогда прежде. И, как ни стыдно было признаться, он был даже готов молить ее о пощаде.

– А как я узнаю, что ты не врешь?

– Я сделаю что угодно! – с мольбой в голосе воскликнул юноша. – Я поклянусь всеми богами, что никто не узнает о нашей встрече!

– Что угодно, говоришь?.. – вдруг хватка девушки ослабла. Она отстранилась, однако оружие не опустила. Теперь у нее была относительно двойная вооруженность, и этого, видимо, хватило ей для ощущения собственной безопасности.

Одиссей, приподнявшись на локтях, с опаской повернул сначала голову, а затем и все тело к своей захватчице. Опираясь на руки, он сел на корточки прямо напротив нее. И в ту же секунду все его существо словно пронзили тысячи молний Зевса. Он застыл, пораженный тем созданием, что

видел впервые в своей жизни.

Да, это была действительно девушка, но таким было лишь ее тело. Лик же у нее был скорее, как у богини. За свои немногие года Одиссей никогда не видел таких идеальных черт лица. Брови были такими густыми и темными, и притом аккуратными, что казались вычерчены углем. Глаза, ярко-голубые, большие, сверкали жизненным огнем и были преисполнены силы и мудрости. Тонкий нос с небольшой горбинкой словно только подчеркивал твердость характера, а алые, хотя и неполные губы, придавали всему образу только легкую загадочность. Едва Одиссей их увидел, ему захотелось прикоснуться к ним своими, потому что сама девушка и ее лицо показались юноше чем-то неземным, прекрасным настолько, что только дитя Олимпа было способно выглядеть так.

В ту же секунду он осекся, ведь незнакомка наверняка была смертная, и потому ударила бы без колебаний его одним из своих кинжалов, только юноша предпринял бы попытку потянуться к ней. Его уста открывались и закрывались, он пытался выдать хоть что-то, но слова отказывались отыскиваться в голове и выстраиваться в предложения.

– Посидим? – усмехнулась богиня. Затем она встала в полный рост, и Одиссей невольно последовал ее примеру.

Он оказался слегка выше ее, но ненамного. Для женщины она все еще была достаточно высокой. Особенно длинными казались ее ноги, которые были наполовину обнажены из-

за ее чересчур короткого платья, которое, по-видимому, она сама обрезала для удобства передвижения. Искусная драпировка была всюду нарушена, но отчего-то неопрятность и странность ее наряда не придавала телу худший вид. Она была тонкой, хотя и мускулистой, округлой в нужных местах. Кожа у нее была оливкового, благородного оттенка, а от самой девушки исходил едва уловимый цветочный аромат. Вообще, если не брать во внимание эту легкую небрежность в одежде и растрепанные золотые волосы, которые доходили ей до талии, она казалась происходившей из какой-нибудь царской или зажиточной семьи. От незнакомки веяло благородством, а такое, как известно, ничем скрыть невозможно.

– Кто ты? – только и смог выдавить из себя Одиссей, набравшись смелости. – Нимфа? Дочь царя Дельф? Артемида, вышедшая на охоту в людском обличье?

– О, хотела бы я оказаться хоть одной из тех, кем ты меня назвал! – рассмеялась вдруг девушка. Голубые глаза искренне улыбались, хотя и в них по-прежнему чувствовалось недоверие.

– Но ведь ты из Дельф, верно? Других городов по близости нет. И у моего деда ты не прислуживаешь, иначе я бы точно запомнил...

– Так ты – тот самый внук Автолика, Одиссей? – она нахмурилась.

Юноша лишь кивнул в ответ.

– Из-за тебя все Дельфы были в таком переполохе! Ав-

толик лично приезжал делать распоряжения, а с ним шутки плохи... Но да ладно, раз уж теперь тебе известно мое имя, то пришла пора раскрыть мое. Меня зовут Елена, и я должна была посвятить свою жизнь Дельфийскому Оракулу. Мне оставалось несколько дней до начала служения Аполлону.

– Елена... – прошептал замороженно Одиссей, продолжая любоваться девушкой. – Но что ты делаешь одна, в лесу? И почему будущая пифия грабит заблудших охотников?

– Потому что пифия⁷, – вдруг едва зародившееся дружелюбие в ее голосе сменилось жесткостью. – Это не я. Я – Елена, и мое имя станет известно не благодаря какой-то службе в храме. Оно станет известно благодаря каким-то более достойным деяниям. Поэтому я и покинула Дельфы, сбежала.

– Но как же так? – непонимающе спросил Одиссей. – Ведь быть жрицей Аполлона, предсказательницей – очень почетно. Наверняка твои родители многое сделали, чтобы раскрыть дар твоего прорицания...

– Мои родители лишили меня нормального детства! – с гневом воскликнула Елена, в глазах которой теперь всюду сверкали настоящие молнии, те самые, что пронзили Одиссея при первом взгляде на нее. – Они попросту растили меня, как скот, предназначенный для цели. Мне никогда не давали возможность самой сделать выбор.

– Но ведь у женщин никогда не было такой возможности, – пожал плечами в ответ юноша, искренне не понимая,

⁷ Пифия – жрица-прорицательница Дельфийского Оракула.

в чем причина ее ярости. – Они либо растут, готовясь к будущему замужеству, либо к службе в храме, как в твоём случае. И, не восприми как оскорбление, но мне кажется, что уж лучше быть жрицей, чем просто чьей-то женой.

– Неужели тебе не встречались те, кто бы хотел стать кем-то большим? – Елена удивленно приподняла одну бровь.

– Нет...

Но едва Одиссей начал собираться с мыслями, чтобы дать должный ответ, его прервал раскат грома. Причем такой сильный, что и девушка, и он сам одновременно вздрогнули. Несколько мгновений спустя мелкими горошинами заморосил дождь. Одиссей поднял голову, и увидел, что все небо было сплошь затянуто темно-серыми облаками, предвестниками долгой непогоды. И куда же делось то испепеляющее солнце, та жара, от которой его так клонило в сон утром?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.